

УДК 8-1

*Н.А.Родионова**

МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ АССОЦИАТИВНО-СМЫСЛОВЫХ ПОЛЕЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются разные способы организации ассоциативно-семантического пространства поэтического текста при помощи метода моделирования ассоциативно-смыслового поля.

Ключевые слова: ассоциативно-семантическое пространство, поэтический текст, ассоциативно-смысловое поле.

Осмысление художественного текста как результата активного процесса, имеющего диалогическую природу коммуникативного акта, где в роли адресанта выступает автор, а адресата – читатель, обусловило использование новых способов изучения их совместной «текстовой деятельности». Один из таких способов – создание ассоциативной модели семантической структуры поэтического текста. Дело в том, что поэтическая лексика стимулирует определенные ассоциации в сознании адресата, формируя представление об общем концепте произведения и «личности автора», стоящей за текстом. Моделирование текстовых ассоциативно-семантических полей позволяет наглядно представить характер внутритекстовых связей лексических единиц, объединенных концептуально.

Представим анализ поэтических текстов, принадлежащих разным авторам, но имеющих одно и то же название, в котором, как известно, творческая воля поэта проявляется наиболее отчетливо. Это стихотворения «Вечер» и «Гроза», написанные в разное время И.Буниным, Ф.Тютчевым и Н.Заболоцким. Обратимся к поэтическому тексту И.Бунина «Вечер»:

О счастье мы всегда лишь вспоминаем,
А счастье всюду. Может быть, оно
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе мелким белым краем
Встает, сияет облако. Давно слежу за ним...
Мы мало видим, мало знаем,

* © Родионова Н.А., 2009

Родионова Наталья Альбертовна – кафедра русского языка Самарского государственного университета

А счастье только знающим дано.
 Окно открыто. Пискнула и села
 На подоконник птичка. И от книг
 Усталый взгляд я отвожу на миг.

День вечереет, небо опустело,
 Гул молотилок слышен на гумне...
 Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

Затекстовое содержание стихотворения связано с попыткой автора найти ответ на вопрос «что такое счастье?». Именно «счастье» выступает в роли стимула, сам текст — реакция на этот стимул-концепт. Парадигма данного стихотворения возникает на основе прямых, вербально выраженных, семантических связей между ощущениями человека (видеть, слышать) и окружающим миром и состоит в утверждении ценности сиюминутного мгновения: ценить каждый миг и, значит, быть счастливым. Как же связаны между собой «счастье» и «вечер»? Ассоциативно-смысловое развертывание, заданное лексемой «вечер», предполагает вовлечение в орбиту ассоциаций таких лексем, как «утро», «сейчас», «сумерки», «покой», «блаженство», «воспоминание» и «грусть». По данным Русского ассоциативного словаря (далее РАС) [2], «вечер» является ассоциативной лексической реакцией на вышеперечисленные лексемы-стимулы. А общими лексическими реакциями на слова «вечер» и «счастье» оказались такие лексемы-ассоциаты, как «покой», «блаженство» и «грусть». Как видим, «вечер» и «счастье» связаны между собой на ассоциативно-лексическом уровне, но актуальной оказывается темпоральная парадигма: вечер — это конец дня, именно тогда мы склонны к рефлексии, именно тогда мы останавливаемся и только тогда осознаем истинную цену жизненного мига. Видимо, скрытый, глубинный смысл и состоит в утверждении, что осознать ценность мига, данного нам в ощущении, мы сможем только в конце жизни (когда много увидим и узнаем). Таким образом, перед нами усложненный тип семантической организации стихотворения: от мотива-концепта (счастье) к ассоциативной лексико-семантической параллели (вечер) и, наконец, к авторской скрытой идее о связи концептов «Счастье», «Вечер», «Жизнь» и «Смерть» (так как «конец дня» в бунинской миниатюре — это и есть «конец жизни», то есть «время перед смертью»).

В контексте сказанного очевидно, что явно неудачной является попытка выявлять ассоциативные реакции на слово «вечер», так как слова-ассоциаты не отражают парадигматический смысл данного стихотворения. (А именно такой путь предлагает Н.С.Болотнова в пособии «Филологический анализ текста» [1]). Данный путь оправдан только в случае непосредственной семантической соотнесенности названия и поэтического текста, то есть при условии модели прямого ассоциативного развертывания смыслов, когда название является лексемой-стимулом, а текст — ассоциативной реакцией.

Такое речемыслительное моделирование наблюдается в поэтическом произведении Ф.Тютчева с одноименным названием:

Вечер

Как тихо веет над долиной
 Далекий колокольный звон,
 Как шорох стаи журавлиной, —
 И в шуме листьев замер он.

Модель развертывания ассоциативно-смыслового поля в тексте Ф. Тютчева такова: вечер — это тишина, ветер, далекий звон, шум листьев... По данным РАС, одними из самых частотных на лексему-стимул «вечер» являются такие лексические реакции, как «тихий», «летний», «приятный», которые очевидно соотносятся с тютчевской ассоциативной поэтической картиной.

Интересно, что в тютчевской лирике, посвященной описанию природных явлений, наблюдается именно такая устойчивая модель прямого развертывания смысловых значений — от названия (стимула) к реакциям-ассоциатам, репрезентирующим, как правило, ассоциативно ожидаемое лексико-семантическое поле. Это наблюдается, например, во всех стихотворениях Ф. Тютчева, центральным образом которых является «гроза». Вспомним известное стихотворение «Весенняя гроза»:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые!
Вот дождик брызнул, пыль летит...
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит...

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Все вторит весело громам...

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила!

В данном поэтическом тексте — типичная для Тютчева парадигма: мир природы — это мир живой, очеловеченный, насквозь одушевленный. Весна — зарождение новой жизни (гром резвится, играет, как ребенок; все это сопровождается **молодыми** раскатами, сиянием солнца, все остальные явления вторят **весело** громам).

И даже параллель с античными мифологическими образами Геры и Зевса и сопоставлением грозы с громокипящим кубком снова поддерживает эту парадигматическую линию радости, восторга и веселья (Геба проливает кубок **смеясь**). И то же прямое соответствие между обозначенным явлением и парадигматическим смыслом мы наблюдаем в другом тютчевском шедевре:

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь...

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой...

И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

Светлое радостное восприятие летней грозы сменяется тревогой, так как предстоит смена времени года: за летом придет осень, а за осенью – зима, когда природа засыпает (так о зимнем лесе в другом стихотворении Тютчев, как известно, написал: «И стоит он околдован... Не мертвец. И не живой»).

Для Ф.Тютчева «гроза» – это источник новой жизни, своеобразный символ обновления, надежда на счастье. Представим ассоциативную цепочку смыслов, возникающих при воплощении этого образа: гроза – весна – рождение, лето – буря и расцвет всех жизненных сил, осень – созерцание в преддверии «заката», зима – временная смерть. Интересно, что такая образная картина встречается в творчестве представителей других видов искусства, например, композиторов. Вспомним «Времена года» А.Вивальди и П.Чайковского. Отметим, что в общеязыковой картине мира не зафиксирована такая реакция на слово «гроза», как «рождение», но другие лексические реакции оказываются созвучными тютчевскому мироощущению. Сравните с данными РАС: «свежесть», «хорошо дышится», «природа», но эмотивная реакция в данном словаре зафиксирована диаметрально противоположная: «страшно», «жутко», «ужас» и т.п.

В стихотворении Тютчева очевидна пантеистическая направленность (параллелизм и даже тождество в переживаниях лирического героя и природы, которая наделяется свойствами одушевленного существа). Во всех рассмотренных поэтических текстах Ф.Тютчева перед нами одна и та же модель «развертывания имплицитных смыслов». Иное дело, когда лексема «гроза», выступая в роли названия стихотворения, так же как и в стихотворении «Вечер» Бунина, не открывает парадигматический ряд текста, а завершает его и становится репрезентантом концептуально-эмотивной картины мира поэта. Именно такое, не прямое, развертывание ассоциативных смыслов наблюдается в стихотворении Н.Заболоцкого «Гроза».

Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница,
Тень от тучи легла, и слилась, и смешалась с травой.
Все труднее дышать, в небе облачный вал шевелится,
Низко стелется птица, пролетев над моей головой.

Я люблю этот сумрак восторга, эту ночь вдохновенья,
Человеческий шорох травы, вещий холод на темной руке,
Эту молнию мысли и медлительное появление
Первых дальних громов – первых слов на родном языке.

Так из темной воды поднимается в мир светлоокая дева.
Истекает по телу, замирая в восторге, вода,
Травы падают в обморок и направо бегут и налево
Увидавшие небо стада.

А она над водой, над просторами круга земного,
Удивленная, смотрит в дивном блеске своей наготы,
И, играя громами, в белом облаке катится слово,
И сияющий дождь на счастливые рвется цветы.

Имплицитный смысл этого стихотворения состоит в попытке автора осмыслить тайну творческого процесса – «рождения нового слова на родном языке». А эксплицируется другая смысловая параллель – гроза как природное явление в виде сопутствующих образов (тучи, гром, дождь), то есть общеязыковых ассоциатов, зафиксированных РАС.

Что же такое «гроза» как образный ассоциат в поэтике Н.Заболоцкого? Это, видимо, такое состояние, которое испытывает поэт в момент создания художественного произведения. И для поэта концептуальным оказывается значение «рождение», не отмеченное в РАС как реакция на слово-стимул «гроза». По данным указанного словаря, такая реакция («рождение») зафиксирована на лексему-стимул «творчество». Примечательно, что есть и другие слова-реакции на лексему стимул «творчество», которые оказались общими в мироощущении информантов и поэта. Это такие лексемы-ассоциаты, как «МУКА», «ВОСТОРГ», «РАДОСТЬ» и «СЛОВО». «Гроза» как природный катаклизм оказывается своеобразной ассоциативной реакцией на восприятие слова «творчество» как муки от невероятного напряжения, а доминирующее значение «рождение» ассоциативно связано с представлением о разрешении от этих творческих мук. Таким образом, в стихотворении Н.Заболоцкого наблюдаем усложненный вид развертывания ассоциативных смыслов: не от названия к парадигматическому содержанию поэтического текста, а наоборот, от парадигматического смысла «Тайна творческого процесса» к слову-реакции – «гроза».

Итак, метод моделирования ассоциативного поля поэтического текста позволяет вывить разные виды речемыслительной деятельности художников слова. Ассоциативно-смысловое развертывание возможно, по крайней мере, в двух направлениях: первое связано с отражением в тексте ассоциаций на лексему-название (прямое развертывание), второе подразумевает обратное движение мысли поэта – от парадигматического смысла стихотворения к названию-ассоциату (усложненное развертывание ассоциативных значений). Представляется, что во втором случае название является одновременно и образным концептом авторского мировидения. Иными словами, «вечер» в миниатюре Ф.Тютчева – это лишь обозначение темы лирического произведения, в стихотворении И.Бунина – образный концепт; «гроза» в поэтическом мире Н.Заболоцкого – концепт, репрезентирующий представление поэта о природе творческого вдохновения, а в лирике Ф.Тютчева – один из любимых и поэтому частотных образов.

Библиографический список

- 1.Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова. – Томск, 2003.
- 2.Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов [и др.] – М., 1994-1998.- Кн. 1-6.

*N. Rodionova***THE PATERING METHOD OF ASSOCIATE SEMANTIC
FIELDS IN THE POETICAL TEXT**

The article considers different ways of organizing of associate-semantic spaces in the poetic text by means of the pattering method of the associate semantic field.

Key words: associate-semantic space, poetic text, associate-semantic field